

ГРАММАТИКА

УДК 81.2.2.

DOI 10.25205/2312-6337-2018-1-17-24

Л. А. Ильина

Институт филологии СО РАН

ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ С ДУБЛИРОВАННЫМ ВЫРАЖЕНИЕМ ГРАММАТИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ КАК СЛЕДСТВИЕ СЕЛЬКУПСКО-РУССКОГО ЯЗЫКОВОГО КОНТАКТА

В статье на примере исследования селькупско-русского языкового взаимодействия обосновывается важность выделения особого класса явлений грамматической интерференции – грамматических моделей с грамматической избыточностью или грамматическим плеоназмом, возникших вследствие имитации иноязычных форм и конструкций. Основной аспект изучения этого класса явлений грамматической интерференции – исследование их роли в процессе конвергентного языкового развития, характерного для языков Сибири в настоящем и прошлом. Инновационные способы выражения грамматических значений посредством грамматического плеоназма возникли на относительно ранних стадиях селькупско-русского двуязычия, когда еще существовала значительная одноязычная среда. В таких условиях в процессах грамматических изменений преобладает внутриязыковая аналогия. Именно исторической традицией нормы селькупского языка и давлением его исконной системы, то есть механизмом внутриязыковой аналогии, было преимущественно обусловлено развитие грамматических моделей с плеоназмом. Грамматический плеоназм позволил сохранить в инновационных моделях традиционные формы селькупского языка, тем самым не нарушая коммуникации.

Ключевые слова: грамматическая интерференция, грамматический плеоназм, межъязыковая аналогия, внутриязыковая аналогия, языковое взаимодействие, селькупский язык.

В период конца XVI– начала XVII вв. документированный и реконструированный историко-этнографическими, лингвистическими и междисциплинарными исследованиями единый селькупский язык стабильно существовал в обширном регионе бассейна средней Оби и был компонентом среднеобского языкового союза. Внутренне селькупский язык был дифференцирован на несколько основных диалектов и говоров. В системе среднеобского языкового союза селькупский язык длительно контактировал с енисейскими и обско-угорскими языками, а на юге среднеобского ареала – с тюркско-сибирскими языками, главным образом, через тюркизированные двуязычные этнические селькупы.

Диалекты и говоры селькупского языка были объединены в общеязыковое коммуникативное пространство многоканальными социально-коммуникативными связями, в том числе предгосударственной военно-потестарной организацией, известной по русским источникам под названием «Пегай орда» [Пелих, 1981].

Ильина Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: ludil60@mail.ru, тел: +7-909-533-14-54. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3469-9353>.

Эта объединенная многоканальными коммуникативными связями ареально-диалектная общность рассматривается как единый селькупский язык по отношению к ареально и коммуникативно обособившимся друг от друга в течение XVII в. северноселькупским и южноселькупским диалектам [Хайду, 1985, с. 133–134].

Единство селькупского языка было утрачено в течение XVII в. вследствие нескольких разновременных миграций на север, в бассейны Таза и Турухана ряда разнодиалектных (включая крайне южные) селькупских общин, их отделения от «прародины» хантыйским клином по Ваху, минимизации и практически полной утраты коммуникативных связей с диалектами среднеобского ареала.

После разделения единого селькупского языка, то есть в XVIII – XX вв., северноселькупские и южноселькупские диалекты и говоры функционировали в значительном территориальном отдалении и в коммуникативной изоляции друг от друга.

Селькупско-русское двуязычие и обусловленные им процессы интерференции развивались в южноселькупских диалектах значительно быстрее и интенсивнее, чем в северноселькупских диалектах. Северноселькупские диалекты вышли из стадии преобладающего одноязычия только к середине XX в., а южноселькупские диалекты к этому времени примерно 200 лет развивались в стадиях преобладающего двуязычия и языковой смены.

На поздних синхронных срезах 1970-х гг. и в северноселькупских, и в южноселькупских диалектах и говорах наблюдается много «общих» инноваций, развившихся под влиянием русского языка, причем не только в лексике, но и в грамматике. Исследование развития селькупско-русского языкового взаимодействия в частности показало важность выделения особого класса явлений грамматической интерференции – грамматических моделей с грамматической избыточностью или грамматическим плеоназмом, возникших вследствие имитации русских форм и конструкций. На наш взгляд, их целесообразно выделить в особый класс явлений грамматической интерференции. Основным аспектом изучения этого класса явлений грамматической интерференции, выразившейся в грамматической избыточности, представляется исследование их роли в процессе конвергентного языкового развития, столь характерного для языков Сибири в настоящем и прошлом. Выделим наиболее показательные из них.

В 1970-е гг. и в южноселькупских, и в северноселькупских диалектах узואльно сосуществовали два способа выражения сослагательного наклонения, конъюнктива. Первый способ традиционный, без избыточного выражения значения конъюнктива. Второй – инновационный, с избыточным, дублированным выражением значения конъюнктива, развившийся под влиянием русского языка. В большинстве южноселькупских говоров инновационный способ выражения коммуникативно доминировал над традиционным. Традиционно в южноселькупских диалектах конъюнктивное значение выражалось формой финитного глагола с суффиксом =*ni*= или =*ne*=, присоединяемым к основе [Castren, 1854, p. 369]. В инновационной модели традиционный способ сохраняется, но выражение конъюнктива дублируется заимствованной частицей *pj* (и ее фонетическими вариантами *bi*, *pə*, *bə*) восходящей к русской ‘**бы**’.

Автор монографии «Грамматические категории южноселькупского глагола» Н. Г. Кузнецова подчеркивает: «Южноселькупский конъюнктив по своей сути потенциалис. Его парадигматическим значением выступает возможность, нейтральная в плане реальности/ирреальности ... В синтагматике может иметь место передача формами конъюнктива значения ирреальности. Она встречается в полипредикативных конструкциях условия, поскольку условие допускает и реальность, и ирреальность» [Кузнецова Н.Г., 1995, с.97]. Среди приведенных примеров – предложения с показателем конъюнктива – суффиксом =*ni*=, присоединяемым к основе глагола, и дублирующей его частицей *bə*, восходящей к русской частице ‘**бы**’:

tö-ni bə karallaR tab bə loYap konžer-ni-d kapkankət. ‘Пришел **бы** он (мог бы прийти) пораньше, он увидел **бы** (смог бы увидеть) лисицу в капкане’.

Ött bə andəp kamže-ni mi bə tikə-ni-ut. ‘Если вода лодку **зальет** (сможет залить), мы с тобой **задохнемся** (можем задохнуться)’.

Н. Г. Кузнецова также отмечает, что «в конъюнктиве часто используется заимствованная из русского частица *pj* и ее ФВ» [Кузнецова, 1995, с. 97].

В иллюстративных материалах других исследователей селькупского языка прослеживается немало подобных примеров:

Мум. *Tab bə teka me-ni-d onž tol'žəmd no tab onž t'aul žel kvanža tabečigu.* ‘Он **бы** тебе дал свои лыжи, но он сам завтра идет белковать’.

Mat bə tan əžəmd tūnu-ni-m fak. ‘Если **бы** я твой вопрос (букв.: твоё слово) **понял** правильно (букв.: хорошо)!’ [Беккер, 1978, с. 43–44].

Мум. *лоҮа бә kuran-ni šöt no tab kalamba kiba логалаҮе*. 'Лиса **бы убежать** в лес **могла**, но она осталась с лисятами'. [Беккер, 1978, с.62].

Нел. *Асам matkan e-ni by mi a larymby-ni-ut*. 'Если **бы** отец дома **был**, **мы бы** не **боялись**'. (МЭ)

Отметим, что в языковом южноселькупском материале прослеживается развитие модели в направлении калькирования: употребление заимствованной частицы 'бы' с инфинитивом селькупского глагола по аналогии с русскими конструкциями:

Мум. *Мека бә kvatku koček лоҮалар*. 'Убить **бы** мне много лисиц' [Беккер, 1978, с. 44].

Авторы работы «Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект» отмечают, что «конъюнктив образуется аналитическим сочетанием глагола в прошедшем времени индикатива с частицей **enä** ... вместо обычных окончаний прош. вр. **-sa** или **-sy**, используется более редкое **-san: qəssan enä** 'он бы ушел'. Частица **enä** по происхождению является омертвевшей формой конъюнктива глагола **εqo** 'быть' (**-n-** как показатель данного наклонения известен другим селькупским диалектам [Castren, 1854, с. 369] и «глагол в конъюнктиве иногда сопровождается частицей **py** (из русского **бы**): *Nymty mat py ilysak enä* 'Там **бы я жил**' [Кузнецова и др., 1980, с. 244].

Г. Н. Прокофьев тоже отмечал, что «частица **enə**, присоединяемая к формам прош. вр. изъявит. накл., придает указанной глагольной форме значение сослагательного накл., напр.: *mat tysaŋ en* 'я пришел бы', *tat tysantə en* 'ты пришел бы' и т. д.» [Прокофьев, 1937, с. 118].

В наших экспедиционных материалах 1970-х гг. в туруханско-баишенских говорах также прослеживаются примеры дублированного выражения конъюнктива: сочетанием глагола в прошедшем времени индикатива с частицей **enä** (либо **el'a**) и заимствованной из русского языка частицей '**бы**':

Фарк. *Tän ny tūsan enä*. 'Она **бы пришла**'.

Фарк. *Еса en ny nettek* 'букв.: **Был бы** молодой я'.

Фарк. *Копыты сом еса enä ny, чандәң еңа*. 'Шкура его (ее) хорошая **была бы**, мокрая есть'.

Фарк. *Ш'ипыл'a кьшико шинты nelmysan el'a by, ма рус'амы таллимата*. 'Утковать тебе **помог бы**, ружье мое сломалось'.

Тур. *Кылы'ско ма шинты nelmysan el'a by, ма утимы чүсотыт*. 'Рыбачить я тебе **помог бы**, руки мои болят'.

На синхронном срезе 1960-х – 1970-х гг. инновационный способ избыточного выражения конъюнктивности может рассматриваться как синтаксическое калькирование русских просторечно-диалектных фраз, в которых дублировано или многократно повторяется частица 'бы'. В таком случае заимствование этой частицы может в синхронии трактоваться как средство, используемое при синтаксическом калькировании. Однако близость к синтаксической кальке – это не изначальный признак селькупской инновационной модели конъюнктива, а итог ее исторического развития, отчетливо проявившийся только в глубоко интерферированном южноселькупском языке на синхронном срезе, близком к завершению процесса языковой смены. В диахронии инновационная модель конъюнктива лишь развивалась в направлении калькирования русской модели.

То, что калькирование не обязательный признак рассматриваемого класса явлений грамматической интерференции, иллюстрируется другими примерами.

В 1970-е годы в туруханско-баишенском говоре, который был гораздо менее интерферирован русским языком, чем южноселькупские говоры, наблюдалось сосуществование в некоторых идиолектах двух способов выражения значения каритива, лишительного падежа. Первый способ традиционный, общеселькупский, без избыточности: «Каритив (абессив, лишительный падеж) образуется присоединением к первой основе имени показателя *-kəlyŋ* (*-kəlyk* или *-kəly*) или *-kəl* (усеченная форма). Формы каритива имеют значение «без кого-либо, чего-либо» и обычно выступают в качестве обстоятельства при глаголе: *qutkəlyk* 'без человека'; *qutəqikəlyk* 'без двух людей', *qumytəlyk* 'без людей' (*qum* 'человек') [Кузнецова и др., с. 175–176]. Традиционный способ коммуникативно доминировал, но часто использовался в некоторых идиолектах инновационный способ с избыточным выражением каритивности, возникший под влиянием русского языка. Последнее отчетливо маркировано заимствованным предлогом 'без':

Фарк. *Без тәзы-колык мотън илы аза мусылдендал*. '(букв.: '**Без таза без**) пол не помоешь'.

Тур. *Ме дер'емн'акыт лапкы тә амм'еситы, без лапкы-колык илыко кошки еңа*. 'У нас в деревне лавка сгорела (букв.: лавку огонь съел), (букв. **без лавки без**) жить плохо'.

Фарк. *Бес солкол'мы-колок ни коим аша (ас) тыментал*. '(букв.: '**Без денег без**) ничего не купишь'.

Тур. *Без канак-колык миндырл'a ас кынта*. (букв.: '**Без собака без**) охотиться не пойдешь'.

Фарк. *Без мат-колык ыкы кынесык!* '(букв.: **Без меня без**) не ходи!' (МЭ)

Так же, как и в примере с инновационной моделью сослагательного наклонения, в инновационной модели каритива традиционная форма сохраняется и выражение ее грамматического значения дублируется заимствованной служебной единицей. Но в русских и литературных, и диалектных конструкциях с предлогом «без» нет грамматической избыточности, плеоназма. Следовательно, о калькировании русских конструкций в данном случае речь не идет. Есть несомненная имитация русских конструкций, но имитация без калькирования.

Не обязателен для рассматриваемого класса явлений грамматической интерференции и наличный в обоих приведенных примерах яркий признак – использование заимствованных служебных единиц при избыточном выражении грамматического значения. Это лишь один из возможных вариантов, наиболее наглядный и доказательный, но наименее распространенный. Значительно более распространен вариант имитации русских моделей, когда грамматическая избыточность создавалась исключительно наличными средствами селькупского языка. Сущность этого варианта та же самая, что и у варианта с заимствованной служебной единицей. Однако в варианте без заимствования служебной единицы русское языковое влияние скрыто от непосредственного лингвистического наблюдения в синхронии, тем более что во многих таких случаях отсутствует и калькирование русских моделей. Поэтому даже просто доказательство наличия русского языкового влияния, как правило, требует специального исследования конкретных случаев грамматического плеоназма, прежде всего его становления и развития в диахронии.

Так, в южноселькупских диалектах и говорах в 1960 – 1970-х гг. в сочетаниях селькупских количественных числительных «три» и выше или наречия *kočëk* ‘много’ с существительным само существительное могло употребляться в форме единственного числа с нулевым показателем и в форме множественного числа с основными показателями =*t* и =*la* (= *la* – в кетском диалекте и в обских говорах): ед.ч. *tettj nē* ‘досл.: четыре дочь’; мн.ч.: *tettj nē=t* или *tettj nē=l'a* ‘четыре дочери’). В модели с существительным в форме множественного числа значение множественности выражено избыточно. Даже после установления инновационности данной модели русское влияние не очевидно, тем более что высоковероятно тюркское происхождение южноселькупского показателя множественного числа =*la* [Беккер и др., 1995, Ч. 1., с. 60–62]. На наличие русского языкового влияния указывает большее сходство инновационной модели, чем традиционной, с русской моделью, позднее становление инновационной модели в условиях уже развивающегося селькупско-русского двуязычия и отклонение инновационной модели с грамматическим плеоназмом от традиционной нормы селькупского языка, требующей в таких сочетаниях единственного числа существительного. Напр.: «*naq̄r āt̄x s̄ar̄nȳt̄b̄* ... ‘трех оленей запряг (он)’, ср. *āt̄x* ‘олень’ – им. п. ед. ч. (= основа)» [Прокофьев, 1935, с. 30].

Исследователи грамматики селькупского языка, авторы «Очерков по селькупскому языку», отмечают: «В селькупском языке существительное после числительного всегда стоит в единственном числе» [Кузнецова и др., 1980, с. 370]. В то же время в данной же работе указывается, что существительные с количественным определением встречаются и в формах двойственного и множественного числа и высказывают предположение: «Это может быть по крайней мере частично обусловлено интерференционным воздействием русского языка» и делают ссылку: «Некоторые информанты считают употребление Du. и Pl. с количественным определением «неграмотным» [Кузнецова и др., 1980, с. 167].

Для сравнения отметим, что в коллективном труде «Основы финно-угорского языкознания» указывается: «В современных финно-угорских языках наблюдается весьма широкое употребление формы единственного числа: имя, не имеющее каких-либо формантов ... применяется не только при названии одного предмета, но выражает нередко два и больше предметов ... прежде всего в сочетании с количественными числительными» [ОФУЯ, 1974, с. 219].

Авторы «Морфологии селькупского языка. Южные диалекты» пишут: «Понятие раздельной количественной множественности (больше двух предметов) передается во всех южных диалектах селькупского языка с помощью числительных, начиная с числительного «три». Существительное, стоящее в позиции после числительного, чаще всего представлено формой, лишенной суффикса мн. числа: Нап. *mat qa ʃl̄ə pine špar sombla gul' sugar* – Я на сани кладу **5 кулей** сухаря; *Par ... tab̄na n nagur net* – у него три дочери (букв.: **три дочь-его**); Ив. *n̄agur t'emna βa:rga t topqat* – Три брата (букв.: **три брат**) живут в Томске; УО. *terla kβelaisat oq̄r̄ij̄ sombil'e tuto m qβetsadat* – Они рыбачили, однажды **пять карасей** добыли [Беккер и др., 1995, ч. 1, с. 55-56].

В экспедиционных материалах 1970-х гг. по южноселькупским говорам прослеживаются примеры как традиционной модели выражения, так и инновационной модели.

Традиционная модель :

Ив. *Нагур мада манда*. ‘Три двери (букв.: **три дверь**) сделал он.’

Ив. *Нагур по: амдадънт*. 'Три дерева стоят' (букв.: 'три дерево сидят').

Ив. *На:гур кјнд=ам* (ед. ч. Асс.) *сарелджанджай и кwandжай kwатчонд*. 'Три лошади (букв. три лошадь) запряжем и в город поедем'.

Инновационная модель:

Ив. *Ком' ку=ла – ком' ол=ла*. 'Много людей – много голов.'

Ив. *Ком' ты:забала=ла* 'много дроздов' (ср. тызабала 'дрозд', ед. ч.)

Ив. *Ком'кјнд=ла ныңат*. 'Много коней стоят.' (МЭ)

Ив. *коёек лоуа=ла* 'много лисиц' Ив. *кочи мада=ла* 'много дверей' (МЭ)

Еще раз отметим, что существенные черты у варианта без заимствования служебной единицы те же, что и у варианта с заимствованием. Оба варианта в равной мере способны реализовать специфический способ сближения селькупских грамматических моделей с русскими. В обоих вариантах под действием межъязыковой аналогии создаются инновационные модели с грамматическим плеоназмом, типологически сближенные с русскими, но при этом отчетливо сохраняющие и исторически традиционные. То есть с позиций объективного процесса конвергентного развития селькупского языка в условиях языкового взаимодействия различие между двумя вариантами малосущественно.

Добавим также, что в диахронической перспективе по мере нарастания селькупско-русского двуязычия у обоих вариантов прослеживается тенденция все большего типологического сближения с русскими моделями вплоть до их калькирования. Например, в 1970-е гг. и в южноселькупских, и в северноселькупских диалектах узואльно сосуществовали два способа выражения грамматического значения принадлежности обладателю 1-го и 2-го лица. Первый способ выражения посессивности – исторически традиционный, исконный, без грамматического плеоназма. Второй способ выражения посессивности – с грамматическим плеоназмом, возникший, скорее всего, под влиянием русского языка, но без заимствования русских служебных единиц.

При традиционном способе принадлежность обладателю 1-го и 2-го лица выражалась посессивными формами существительного, т. е. многочисленными падежными формами лично-притяжательного склонения с соответствующими суффиксами. «Лично-притяжательные окончания могут быть возведены к общесамодийским праформам» [Хайду, 1985, с. 123]. Авторы «Морфологии селькупского языка (южные диалекты)» пишут: «Выражение притяжательных отношений происходит в диалектах селькупского языка на уровне грамматических способов. При морфологическом способе категория притяжательности выражается с помощью специальных лично-притяжательных суффиксов (простых либо усложненных показателями двойственного или множественного числа). Лично-притяжательные суффиксы присоединяются к основе (простой или производной) слова, ср.: им. падеж: Стс *sira-u* 'моя корова', *ugu-lte* 'ваша, многих шапка', Ив. *кунды=м* 'конь мой'; *кундь=l* 'конь твой' или они выступают в качестве дополнительных компонентов падежных показателей в косвенных падежах» [Беккер и др., 1995, Ч. 1, с. 65]. А. И. Кузьмина отмечала: «Основным средством выражения посессивных отношений является морфологический способ или способ аффиксации. Он заключается в присоединении к основе слова лично-притяжательного суффикса, указывающего на грамматическое лицо, число и падеж лица или предмета, которому принадлежит предмет или лицо» [Кузьмина, 1973, с. 69].

При другом способе принадлежность обладателю 1-го и 2-го лица выражается избыточно – сочетанием посессивных форм с личными местоимениями 1-го и 2-го лица в формах синкретичного или омонимичного Номинатива-Генитива. Например: «Нап. *mat ašte-m* 'мой олень-мой'; Чиж. *tat kal-le* 'твой лоб-твой'; *tat paja-Rə-n-də* 'твоей жене твоей'; Ив. *Mat tebe-m* 'мой муж-мой' и др.» [Беккер и др., 1995, Ч. 1, с. 79]. А. И. Кузьмина подчеркивает, что различие между ними «лишь в том, что при втором способе в результате постановки перед именем существительным личного местоимения получается двойное указание принадлежности. Хотя такое двойное выражение посессивности и свойственно селькупскому языку, но является необязательным, так как принадлежность достаточно обозначается и притяжательным суффиксом. Мы считаем этот способ результатом воздействия русского языка на селькупский [Кузьмина, 1973, с. 69–70].

Заметим, что в этой модели посессивности нет не только заимствования русских служебных единиц, но и калькирования русской модели, поскольку в русских притяжательных конструкциях, по видимому, послуживших образцом для имитации по межъязыковой аналогии, грамматический плеоназм отсутствует.

В дальнейшем наблюдается развитие этой модели в направлении калькирования русской модели. В южноселькупском языке 1960-х – 1770-х гг., наряду с существованием и конкуренцией двух рассмотренных способов выражения посессивности, развились и стали узואльными два новейших способа выражения посессивности. В первом из них посессивные формы были элиминированы, а следо-

вательно, устранен и плеоназм. Например: Ив. *mat temn'a* 'мой брат'; *tat temn'a* 'твой брат'; *mat temn'atko* 'о моем брате'; Ласк. *mat kauβp'i* 'мой платок'; Нап. *tat andə* 'твоя лодка'. Авторы «Морфологии селькупского языка» пишут: «... В последнее время такие конструкции встречаются все чаще в различных диалектах селькупского языка. Скорее всего, они возникли под влиянием русского языка и проникают в первую очередь в язык более молодого поколения селькупов. Поскольку притяжательность в таких конструкциях реализуется исключительно личным местоимением, выступающим в функции притяжательного в препозиции имени существительного, не оформленного лично-притяжательны суффиксом, то способ выражения притяжательных отношений здесь следует трактовать как синтаксический» [Беккер и др., 1995, Ч. 1, с. 79]. Эта модель может рассматриваться как калька. От русской модели ее типологически отличает, в частности, синкретизм, точнее, на данном синхронном срезе уже омонимия Номинатива и Генитива селькупских личных местоимений 1-го и 2-го лица. Такой типологический контраст ощущался языковой компетенцией билингов, особенно с двумя родными языками, и стал устраняться. Были созданы и узуализировались во всех южноселькупских диалектах морфологически маркированные притяжательные местоимения, которых в традиционном селькупском языке не было: *mannanij* 'мой', *tannanij* 'твой'. Форма и семантика у таких новейших селькупских притяжательных местоимений адъективная, показатель адъективности йотовый, контаминированный с русским. Напр. Ив.: *mananij andə* 'моя лодка'; *mannanij temn'a* 'мой брат'; *tannanij andə* 'твоя лодка'; *tannanij temn'a* 'твой брат'. Авторы вышеуказанной монографии отмечают, что «имеет место использование этих местоимений в качестве самостоятельных притяжательных местоимений (вне притяжательной конструкции): Ив. *kudit kanak? tannani?* 'Чья собака? Твоя?'; *nil'di manna nij* 'такой мой'. ... *neβa kunnimba mannani kananditko* 'заяц убежал от моей собаки' [Беккер и др., 1995, ч. 1., с. 81–82]. Это уже буквальная калька русской притяжательной модели, за исключением неразличения рода. Но род не различается и в традиционном русском говоре селькупов. А именно этот русский говор, включавший селькупский субстрат, как раз и был тем русским языком, который непосредственно контактировал с селькупским в персональных кодах билингов, то есть в языковом сознании двуязычных носителей. Этот традиционный русский говор селькупов возник на начальных стадиях развития селькупско-русского языкового контакта, еще в XVII в., в протекавших тогда процессах пиджинизации. В дальнейшем он медленно изменялся под влиянием собственно русских диалектов и постепенно выравнивался с этими диалектами. Но даже и сейчас, после фактического завершения процесса языковой смены в южноселькупском ареале русский говор уже одноязычных селькупов еще отчетливо сохраняет селькупский языковой субстрат, в том числе грамматический, в частности, отсутствие категории рода.

Новейшие способы выражения посессивности, калькирующие русскую модель и элиминирующие исконные селькупские посессивные формы, резко отклоняются от исторически традиционной нормы селькупского языка. Более того, узуализация этих новейших посессивных моделей свидетельствует о существенной перестройке исконной языковой системы, в парадигматические и синтагматические отношения которой посессивные формы были глубоко интегрированы. Эти черты, то есть резкий контраст с исконной системой и исторически традиционной нормой селькупского языка существенно, на наш взгляд, качественно отличает две новейшие модели – кальки типа *mat andə* 'моя лодка' и *mannanij andə* 'моя лодка' от также инновационного и также развившегося под влиянием русского языка способа выражения посессивности с грамматическим плеоназмом типа *mat andə=m* 'моя лодка=моя'. Поэтому включение всех этих моделей в один класс и объединение их одним общим термином «калька» значило бы, на наш взгляд, смешение качественно различных явлений грамматической интерференции. В диахроническом исследовании динамики развития селькупско-русского языкового контакта существенная специфика селькупских моделей, имитирующих русские посредством грамматического плеоназма, видна особенно отчетливо.

Все грамматические изменения, связанные с межъязыковыми процессами, обусловлены взаимодействием двух систем аналогии – межъязыковой и внутриязыковой. Однако роль межъязыковой аналогии и внутриязыковой аналогии в процессе грамматических изменений различна на разных стадиях развития двуязычия. Для инновационных способов выражения грамматических значений посредством грамматического плеоназма типично возникновение на относительно ранних стадиях развития селькупско-русского двуязычия. На этих стадиях еще существовала значительная одноязычная среда, селькупский язык в узусе не был сколько-нибудь глубоко интерферирован русским и сближен с ним типологически. В таких условиях в процессах грамматических изменений преобладала внутриязыковая аналогия. Именно исторической традицией нормы селькупского языка и давлением его исконной системы, то есть механизмом внутриязыковой аналогии было преимущественно обусловлено развитие выражения посессивности с грамматическим плеоназмом типа *mat andə=m* 'моя лодка=

моя?. Грамматический плеоназм позволил сохранить в инновационной модели традиционную посесивную форму. Вследствие этого инновационная модель, имитируя русскую, вместе с тем соответствовала исконной системе селькупского языка.

Это существенная общая черта всех подобных явлений грамматической интерференции, то есть всех случаев имитации русских моделей посредством развития в селькупском языке грамматического плеоназма. Все они в инновационных способах выражения различных грамматических значений, благодаря использованию грамматического плеоназма, отчетливо сохраняли исторически традиционный селькупский способ выражения этих значений. Поэтому они наиболее соответствовали коммуникативным потребностям, закономерно формирующимся в процессе развития двуязычия особенно в условиях общения двуязычных и одноязычных носителей селькупского языка. Отсюда типичность и закономерность развития грамматического плеоназма при имитации русских грамматических моделей.

На наш взгляд, целесообразно учитывать существенную специфику рассмотренного класса явлений: взаимодействие межъязыковой и внутриязыковой аналогии при языковых изменениях. В рассмотренном классе моделей с грамматическим плеоназмом это взаимодействие отчетливо маркировано: внутриязыковая аналогия – сохранением архаичного способа выражения грамматического значения, межъязыковая аналогия – дублированием этого способа выражения.

Список литературы

- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А.* Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 1. Томск: Изд-во ТГПИ, 1995. 292 с.
- Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А.* Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. 11. Томск: Изд-во ТГПИ, 1995. 284 с.
- Беккер Э. Г.* Категория падежа в селькупском языке. Томск: Изд-во ТГУ, 1978. 207с.
- Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкіна Е. В.* Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Наука, 1980. 411 с.
- Кузнецова Н. Г.* Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск: Изд-во ТГПИ, 1995. 281 с.
- Кузьмина А. И.* К вопросу о категории притяжательности в селькупском языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков: Мат=лы Всесоюзной конф. 14–16 июня 1973 г. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 1973. С. 68–70.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. 484с.
- Пелих Г. И.* Селькупы XVII века. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск: Наука, 1981. 177 с.
- Прокофьев Г. Н.* Селькупская грамматика. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР. 131 с.
- Прокофьев Г. Н.* Селькупский (остяко-самоедский) язык // Языки и письменность народов севера. Ч. 1. М-Л.: Учпедгиз, 1937. С. 91–124.
- Хайду П.* Уральские языки и народы. М.: Прогресс, 1985. 425 с.
- Castren M. A.* Grammatik der samojedischen Sprachen. St.-Petersburg 1854. 608 с.

Список условных обозначений и сокращений

- Ив.** – п. Иванконо;
Ласк. – п. Ласкино;
МЭ – материалы экспедиций 1970-х гг. под руководством А. И. Кузьминой с участием автора статьи;
Мум. – п. Мумышево;
Нап. – п. Напас;
Нельм. – п. Нельмач;
НС. – п. Новосондорovo;
Пар. – п. Парабель;
СтС. – п. Старосондровo;
Тур. – г. Туруханск;
УО. – п. Усть-Озерное;
Фарк. – п. Фарково;
Чиж. – п. Чижапка.

L. A. Ilyina

*Institute of Philology of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
ludil60@mail.ru*

**Grammatical models with duplicate expression of grammatical meaning
in Selkup language as a consequence of the linguistic contact between Selkup and Russian languages**

This paper analyses an interaction between Selkup and Russian languages. Importance of distinguishing of special class of grammatical interference – grammatically redundant models (models with grammatical pleonasm) is proved in the present paper. Such models appear as a consequence of imitation of Russian forms and constructions. The main aspect of studying of this class of grammatical interference phenomena is an investigation of their role in the process of convergent linguistic development which is typical for Siberian languages nowadays and in the past.

All grammatical changes connected with inter-linguistic processes are caused by interaction of two systems of analogy – inter-linguistic and intra-linguistic ones. But the roles of inter-linguistic analogy and of intra-linguistic one in the process of grammatical changes are different on the different stages of the development of bilingualism.

New ways of expression of grammatical meanings by means of grammatical pleonasm appeared on the relatively early stages of Selkup-Russian bilingualism, when considerably monolingual surroundings had existed yet and Selkup language in usage had not been deeply interfered by Russian language and had not drawn with it together typologically. Intra-linguistic analogy prevails in such conditions in the process of grammatical changes. Grammatical pleonasm allowed to preserve traditional forms in innovational models. Because of that innovational models imitating Russian models simultaneously correspond to age-old system of adopting Selkup language. These models are typologically drawn together with Russian ones, but in the same time distinctly preserve historically traditional forms. These grammatical models play important role in objective process of the convergent development of Selkup language in conditions of interaction with Russian language.

Development of grammatical models with pleonasm was mainly caused exactly by the historical tradition of the Selkup linguistic norm and by pressure of its primordial system, i.e. by the mechanism of intra-linguistic analogy. Grammatical pleonasm allowed to preserve in innovational models traditional forms of Selkup language, not disturbing the communication needs of Selkup people.

Keywords: Grammatical interference, Grammatical pleonasm, Inter-linguistic analogy, Intra-linguistic analogy, Linguistic interaction, Selkup language.

References

- Bekker Je.G. *Kategorija padezha v sel'kupskom jazyke* [Category of Case in Selkup language]. Tomsk: Izd-vo TGU, 1978. 207p.
- Bekker Je.G., Alitkina L.A., Bykonja V.V., Il'jashenko I.A. *Morfologija sel'kupskogo jazyka. Juzhnye dialekty*. [Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 1]. Tomsk: Izd-vo TGPI, 1995, Part. 1. 292 p.
- Bekker Je.G., Alitkina L.A., Bykonja V.V., Il'jashenko I.A. *Morfologija sel'kupskogo jazyka. Juzhnye dialekty* [Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part 2]. Tomsk: Izd-vo TGPI, 1995, Part. 2. 284 p.
- Castren M.A. *Grammatik der samojedischen Sprachen*. St.-Petersburg, 1854, 608 p.
- Hajdu P. *Ural'skie jazyki i narody* [Ural languages and peoples]. Moscow: Progress, 1985, 425 p.
- Kuz'mina A.I. *K voprosu o kategorii pritezhatel'nosti v sel'kupskom jazyke* [To the question of the Possession in Selkup language]. In: *Proishozhdenie aborigenov Sibiri i ih jazykov: Mater. Vsesojuznoj konf. 14–16 ijunja 1973 g.* [Origin of Aboriginal Peoples of Siberia and their languages: Proceedings of USSR conference 14–16 June 1973] Tomsk: Izd-vo Tomsk. Un-ta. 1973, pp. 68–70.
- Kuznecova A.I., Helimskij E.A., Grushkina E.V. *Očerki po sel'kupskomu jazyku. Tazovskij dialekt* [Essays in Selkup language. Taz dialect]. Moscow: Nauka, 1980, 411 p.
- Kuznecova N.G. *Grammaticheskie kategorii juzhnosel'kupskogo glagola* [Grammatical categories of the Verb in Southern Selkup]. Tomsk: Izd-vo TGPI, 1995, 281 p.
- Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija (voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorsih jazykov) [Bases of Finno-Ugrian Linguistics (questions of the origin and development of Finno-Ugrian languages)]. Moscow: Nauka, 1974, 484 p.
- Pelih G.I. *Sel'kupy XVII veka. Očerki social'no-jekonomicheskoj istorii* [Selkup People in XVII century. Essays of socio-economic history]. Novosibirsk: Nauka, 1981, 177 p.
- Prokof'ev G. N. *Sel'kupskij (ostjako-samoedskij) jazyk* [Selkup (Ostyak Samoyed) Language]. In: *Jazyki i pis'mennost' narodov severa. [Languages and writing systems of Northern peoples. Part 1]*. Moscow-Leningrad: Uchpedgiz, 1937, Part 1, pp. 91–124.
- Prokof'ev G.N. *Sel'kupskaaja grammatika* [The Selkup Grammar] Leningrad: Izd-vo In-ta narodov Severa CIK SSSR, 131 p.